

УДК 327.82

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ОСНОВНЫЕ УРОВНИ, АКТОРЫ И ИХ МОТИВЫ

Ковба Д. М.

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение феномена современной гуманитарной дипломатии через призму его структуры.

Процедура и методы. Основу исследования составляет комплекс методов и подходов (анализ, синтез, классифицирование, изучение и обобщение данных), позволяющий исследовать феномен гуманитарной дипломатии. Учитывая полимодальный характер последней, её анализ происходит через призму многоуровневой структуры.

Результаты. Сделан вывод о том, что гуманитарная дипломатия представляет собой структурно сложный феномен, исследование которого целесообразно проводить на мировом, региональном, национальном уровнях, либо изучать конкретный кейс проведения гуманитарной операции. Выделены основные акторы каждого уровня дипломатии (международные правительственные и неправительственные организации на глобальном уровне, региональные межправительственные сети сотрудничества на среднем уровне и государственные агентства и ведомства на национальном уровне). Установлено, что мотивы гуманитарной дипломатии зависят от типа акторов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлена общая структура современной гуманитарной дипломатии; показано, что в настоящее время активно формируются структуры и дискурсы, альтернативные западному подходу к гуманитарной дипломатии. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по мировой политике и международным отношениям.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, гуманитарная помощь, мотивы оказания помощи, гуманитарный дискурс, уровни гуманитарной дипломатии

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

MODERN HUMANITARIAN DIPLOMACY: MAIN LEVELS, ACTORS AND THEIR MOTIVATIONS

D. Kovba

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
ul. S. Kovalevskoy 16, Ekaterinburg 620108, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the phenomenon of modern humanitarian diplomacy through the prism of its structure.

Methodology. The basis of the study is a set of methods and approaches (analysis, synthesis, classification, study, and generalization of data), which allows us to explore the phenomenon of humanitarian diplomacy. Given the polymodal nature of the latter, its analysis occurs through the prism of a multilevel structure.

Results. It is concluded that humanitarian diplomacy is a structurally complex phenomenon, the study of which should be carried out at the global, regional, national levels, or a specific case of a humanitarian operation should be studied. The main actors of each level of diplomacy are identified (international governmental and non-governmental organizations at the global level, regional inter-governmental cooperation networks at the middle level, and government agencies and departments at the national level). It has been established that the motives of humanitarian diplomacy depend on the type of actors.

Research implications. The general structure of modern humanitarian diplomacy is presented. It is shown that structures and discourses that are alternative to the Western approach to humanitarian diplomacy are being actively formed at present. The results of this study can be used in the development of courses on world politics and international relations.

Keywords: humanitarian diplomacy, humanitarian assistance, motives for providing assistance, humanitarian discourse, levels of humanitarian diplomacy.

Acknowledgment. This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework no. 20-014-00033 «The concept of polymodal humanitarian diplomacy: implementation, tools and civilizational models».

Введение

На современном этапе развития системы международных отношений не теряет актуальности гуманитарная повестка дня. Несмотря на глобальную тенденцию снижения насилия и роста общественного осуждения его различных форм – войн, убийств, геноцида, жестокого обращения с детьми¹, – данные проблемы не уходят в прошлое. Помимо социальных угроз, большую опасность представляют физические (связанные с природными процессами, географическими факторами) и биологические угрозы (распространение вирусных, бактери-

альных заболеваний, патогенов неясного генеза) [4, с. 14]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость развития и совершенствования инструментов гуманитарной дипломатии и гуманитарной помощи.

Интенсификация гуманитарной деятельности актуализирует задачу теоретического осмысления происходящих процессов, при этом усложнение области исследования обуславливается двумя основными факторами.

Во-первых, несмотря на повсеместное распространение практики оказания помощи и принятия государственными и негосударственными акторами ряда соответствующих обязательств, до сих пор не достигнут консенсус относительно

¹ Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 960 с.

определения понятий гуманитарного дискурса. Так, словосочетание «гуманитарная дипломатия» (ГД) вошло в научную терминологию в начале 2000-х гг., когда происходило активное развитие новых областей дипломатической деятельности (сотрудничество и помощь в области изменения климата, здоровья населения, экологических угроз, бедности и др.), дополнивших арсенал традиционных дипломатических практик [7, с. 171]. Первая книга, посвящённая данной проблематике, была выпущена лишь в 2007 г. [19]. Начиная с этого времени, понятие «гуманитарная дипломатия» стало всё чаще использоваться рядом гуманитарных организаций (например, таких как Международный комитет Красного Креста – МККК), а также национальными агентствами и министерствами (развития, иностранных дел, обороны и др.), в состав которых входят департаменты гуманитарной помощи и сотрудничества. Одновременно с этим существует разница в интерпретациях и использовании данного термина [19, с. 1213]. Как будет продемонстрировано в статье, его смысловое содержание во многом зависит от специфики актора, использующего это понятие.

Во-вторых, происходит постоянное усложнение гуманитарного ландшафта (ГД), которое, в отличие от традиционной дипломатии, не является прерогативой государств. Помимо двусторонних форматов отношений всё чаще практикуются многосторонние форматы. В связи с этим исследователи характеризуют современную дипломатию как «многофункциональную», «многоотраслевую», «сетевую» и т. п. [19, с. 1213]. В настоящее время в дипломатические отношения всё чаще вовлекаются представители СМИ, коммерческие структуры, неправительственные организации и частные лица. Структурные изменения происходят и на государственном уровне: создаются новые департаменты и министерства, нацеленные на решение долгосрочных

стратегических и краткосрочных задач. В связи с этим утверждается, что современная гуманитарная дипломатия носит полимодальный характер (данная особенность указывает на многоуровневую и многоотраслевую специфику отношений) [6, с. 125].

ГД достаточно активно исследуется в зарубежной и отечественной литературе. Поскольку одним из самых заметных и известных акторов исследуемой области является МККК, достаточно большой массив работ посвящён изучению деятельности данной гуманитарной организации. Например, в одной из последних работ изучается моральная сторона работы организации, соблюдение ею баланса нейтральности и предвзятости [14]. Российские авторы также активно обращаются к данной проблематике [2; 11 и др.].

«Оксфордский справочник современной дипломатии» не обошёл вниманием исследуемый феномен: Я. Эгеланн, занимавший пост директора неправительственной организации «Human Rights Watch», рассмотрел ряд определений гуманитарной дипломатии и, опираясь на личный опыт, описал гуманитарную деятельность в период войн и стихийных бедствий, а также указал на ряд хронических проблем, с которыми сталкиваются гуманитарные организации [16]. Активно исследуются теоретические аспекты новых форм гуманитарной дипломатии, раскрываются особенности и структура последних [13; 19].

Одной из значимых работ отечественных исследователей является монография «Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования» [5], в которой на первый план выносятся комплексные проблемы реагирования на кризисные ситуации и вопросы обеспечения гуманитарной безопасности. Помимо этого учёных интересует специфика ГД правительственных и неправительственных организаций, отдельных государств. Так, изучаются гуманитарные практики

Европейского Союза, связанные «с человеческим фактором и утверждением принципов прав человека, толерантности и культуры мира» [1, с. 191], гуманитарная дипломатия Турции [17], России (применительно к РФ чаще всего встречаются такие формулировки, как «гуманитарное сотрудничество», «гуманитарное партнерство» [9]) и других стран. Особый интерес представляют исследования, в которых выделяются цивилизационные модели гуманитарной дипломатии отдельных регионов [10].

Цель настоящего исследования – изучение феномена современной гуманитарной дипломатии через призму его структуры. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выделить основные уровни, на которых практикуется ГД; 2) выявить ключевых акторов каждого уровня; 3) определить основные мотивы этих акторов.

Помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез, классифицирование, изучение и обобщение данных) будем использовать философскую концепцию конвенционализма, согласно которой представление о сути ГД является продуктом соглашения между представителями различных институтов и научных школ. Поскольку существует множество классификаций ГД, в зависимости от типа акторов, целей, масштабов деятельности и пр., отметим, что в данном исследовании указанная проблема рассматривается через призму многоуровневой структуры – мировой, региональной и национальной. На каждом из уровней *доминирующим* будет определен тип актора, хотя участвовать в сетевых отношениях могут все типы акторов. Помимо них существует так называемая полевая дипломатия («in the field») – самый нижний уровень пирамиды гуманитарных акторов, работающих непосредственно в месте возникновения чрезвычайных ситуаций. Однако в последнем случае чаще всего происходит координация действий специалистов национальных агентств, а

также международных, межправительственных организаций, т. е. акторов более высоких уровней. Отметим, что существующие отношения полимодального типа между гуманитарными акторами образуют настолько сложные сети взаимодействий, что представлять схематические отношения между ними имеет смысл только при разборе конкретного кейса, поэтому методологическое упрощение уровней ГД является оправданным для данного исследования.

Гуманитарная дипломатия на мировом уровне

Ключевыми акторами глобального уровня являются международные правительственные (ООН, в частности, её структура Управление по координации гуманитарных вопросов – УКГВ; ОБСЕ, ОЭСР), а также крупнейшие международные неправительственные гуманитарные организации различных типов (правовые, медицинские, религиозные и т. д.). Считается, что механизмы ООН играют центральную роль в сложившейся международной гуманитарной «архитектуре» [3, с. 263]. Они были созданы для координации усилий межправительственных и неправительственных организаций и поддержания связей с соответствующими структурами конкретных государств. Исходя из этого, сложившийся порядок вещей расценивается как иерархический [3, с. 263]. Как указано на официальном сайте организации, ООН является основным поставщиком помощи при чрезвычайных ситуациях и с целью долгосрочного содействия, а также защитником пострадавшего населения¹.

Наиболее значимой среди неправительственных международных организаций является МККК. Не будем подробно раскрывать суть его работы, т. к. она достаточно изучена; отметим лишь, что, по

¹ ООН. Координация гуманитарной деятельности // ООН: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/assistance/index.shtml#ocha> (дата обращения: 08.05.2022).

мнению специалистов данной организации, ГД МККК носит исключительно гуманитарный характер и основывается на принципах беспристрастности и нейтральности¹. Более того, цель ГД МККК расценивается как довольно «ограниченную» и «узкую», направленную на предотвращение и облегчение страданий, вызванных вооружёнными конфликтами, предоставление помощи жертвам, информирование сторон конфликта и т. п. По сравнению с этой целью, цели ГД государств значительно шире; они вытекают, прежде всего, из их национальных интересов.

Среди прочих гуманитарных организаций стоит упомянуть «Врачей без границ», Oxfam, Caritas и World Vision International. Так, «Врачи без границ» – международная независимая медицинская гуманитарная организация, целью которой является оказание помощи людям, пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации (конфликта, стихийного бедствия, эпидемии), а также тем, кто по какой-либо причине не имеет доступа к системе здравоохранения². Утверждается, что мотивом деятельности данной организации является гуманизм, при этом соблюдаются принципы беспристрастности и нейтральности. Отдельно подчёркивается, что члены организации обязуются соблюдать профессиональный этический кодекс и сохранять независимость от политических, религиозных или экономических сил.

Ещё одним известным глобальным международным движением является Oxfam (Оксфордский комитет помощи голодающим) – объединение, работающее более чем в 70 странах мира. Его миссией является борьба с неравенством, бедностью и несправедливостью³. По

данным на 2022 г., функционирует 21 филиал, деятельность которых координируется Международным секретариатом Oxfam. Среди проблем, над которыми работают члены организации, выделяются: помощь при конфликтах и катастрофах, социальное неравенство, гендерная справедливость и права женщин, вода и санитария, обеспечение едой. Утверждается, что члены Oxfam придерживаются принципов соблюдения прав человека, гуманизма и социальной справедливости.

Традиционно функцию оказания помощи и облегчения страданий людей выполняют религиозные организации различного масштаба и вероисповедания. Примерами влиятельных международных религиозных организаций являются Caritas и World Vision International. Так, Caritas – международная благотворительная католическая организация, целью которой является социальное служение, оказание гуманитарной помощи и содействие человеческому развитию; согласно официальным заявлениям помощь предоставляется вне зависимости от религиозной, этической принадлежности и других особенностей⁴. Головной офис организации находится в Риме, где происходит координация операций в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, а также согласуется политика в целях развития. Caritas имеет обширную сеть национальных организаций (более 150) на глобальном и региональном уровнях. Целью деятельности международной религиозной организации World Vision International является предоставление гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях и программы развития регионов⁵, при этом основной категорией получателей помощи являются дети.

¹ Harroff-Tavel M. The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross // ICRC: [сайт]. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/humanitarian-diplomacy-icrc.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

² Врачи без границ. О нас // Médecins Sans Frontières: [сайт]. URL: <https://www.msf.org/who-we-are> (дата обращения: 03.05.2022).

³ Оксфам. Во что мы верим // Oxfam: [сайт].

URL: <https://www.oxfam.org/en/what-we-do/about/what-we-believe> (дата обращения: 03.05.2022).

⁴ Caritas – who we are // Caritas: [сайт]. URL: <https://www.caritas.org/who-we-are> (дата обращения: 03.05.2022).

⁵ Our Vision Statement // World Vision International: [сайт]. URL: <https://www.wvi.org/our-vision-and-values> (дата обращения: 04.05.2022).

Обзор уставных документов и информации, представленной на официальных сайтах вышеперечисленных организаций, позволяет сделать вывод о том, что декларируемой целью их деятельности является удовлетворение гуманитарных потребностей людей, пострадавших от чрезвычайных ситуаций или относящихся к уязвимым категориям населения. Одним из основных принципов деятельности организаций является беспристрастное оказание помощи. Данная позиция разделяется многими западными исследователями. Крупнейшие международные гуманитарные организации – МККК и ЮНИСЕФ – являются приверженцами «универсального» и «общечеловеческого» подхода к ГД [13, с. 142]. Основным мотивом деятельности гуманитарных работников является *защита и помощь*, что накладывает отпечаток на специфику их деятельности: практикуемая ими ГД чаще всего преследует оперативные, а не стратегические цели. Гуманитарные работники, как правило, решают краткосрочные и повседневные вопросы (переговоры о доступе к месту конфликта, доставка помощи и т. п.) [13, с. 244]. В целом, частью гуманитарного дискурса западных международных организаций являются такие понятия, как гуманитарные принципы, гуманитарный императив, уважение к международному гуманитарному праву, защита общечеловеческих ценностей, беспристрастность и гуманизм.

Вместе с тем некоторые исследователи практикуют критический подход к оценке мотивов и оснований деятельности ряда международных неправительственных организаций. Утверждается, что влияние таких организаций «почти полностью проистекает из их якобы беспристрастных..., гуманитарных, благотворительных или альтруистических мотивов»; одновременно с этим их претензии на легитимность нередко оспариваются [20, с. 637]. Например, в одном из исследований критически осмысливается история ГД

МККК. Утверждается, что, несмотря на заявления об использовании дипломатии как нейтрального инструмента для защиты людей и ведения переговоров от имени уязвимых категорий населения, гуманитарная логика нередко использовалась для достижения «параллельных и этически неоднозначных целей... в частности, речь идёт о колониальных бизнес-проектах отца основателя Красного Креста Анри Дюнана» [14]. Обвинения в отсутствии беспристрастности время от времени становятся частью повестки дня мировых СМИ. Одним из примеров является заявление службы безопасности Израиля о том, что международная благотворительная организация World Vision спонсировала боевиков исламской группировки¹. Кроме того, государства в пределах своих границ имеют гораздо больше рычагов влияния, чем деятельность международных организаций, чьим основным капиталом являются их репутация беспристрастного посредника и широкая общественная поддержка их деятельности.

Гуманитарная дипломатия на региональном уровне

Несмотря на то, что основные роли в глобальном масштабе традиционно играют западные акторы, в настоящее время государства, имеющие иную цивилизационную принадлежность, прилагают усилия для формирования сетей сотрудничества в области ГД [3, с. 263]. Данная тенденция объясняется 2 основными факторами: во-первых, попытками государств определённого региона «коллективно отстоять свой суверенитет в гуманитарной сфере» [5, с. 52]; во-вторых, тем, что географически близкие государства нередко страдают от одних и тех же проблем, поэтому коллективный ответ является более чем оправданным.

¹ Израиль обвинил христианскую организацию в Газе в финансировании боевиков // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20160804/1473595883.html> (дата обращения: 11.05.2022).

Таким образом, помимо региональных отделений крупнейших международных организаций на данном уровне всё больший вес приобретают региональные гуманитарные структуры, одним из ярких примеров которых является система ГД, сложившаяся в Юго-Восточной Азии.

Государства – члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) вынуждены регулярно бороться со стихийными бедствиями (засухами, наводнениями, оползнями, землетрясениями и другими катаклизмами природного характера). Относительная аполитичность данных проблем способствовала активному развитию гуманитарного сотрудничества, более тесной внутрорегиональной интеграции и институционализации.

Толчком к развитию ГД в регионе стали произошедшие в 2004 г. землетрясение и цунами в Индийском океане, приведшие к гибели сотен тысяч человек и масштабному социально-экономическому кризису. Для преодоления последствий катастрофы была создана «Основная группа по цунами», деятельность которой была охарактеризована как «новый стиль дипломатии» [15, с. 191]. Работа этой группы заложила основы многостороннего сотрудничества государств и вскрыла ряд проблем в области реагирования на стихийные бедствия. Позднее, в 2008 г., подобный формат был использован для реагирования на циклон Нургис. В отличие от предыдущего эпизода, АСЕАН сыграла более активную роль в чрезвычайной ситуации: она выступила платформой, связующей национальное правительство и международное сообщество. В 2009 г. вступило в силу «Соглашение АСЕАН по управлению стихийными бедствиями и экстренному реагированию», при этом основным институтом, призванным осуществлять координацию при оказании гуманитарной помощи в случае стихийных бедствий стал «Центр АНА»¹. Дальнейшее развитие региональ-

ных механизмов ГД произошло в 2016 г., когда была подписана «Декларация АСЕАН о едином ответе АСЕАН».

Исследователи по-разному оценивают эффективность сложившейся системы ГД. Так, с одной стороны, различные вызовы (стихийные бедствия, вынужденная миграция населения) часто имеют трансграничный характер, что делает национальные ответы неэффективными; с другой стороны, становление региональной системы происходит довольно медленно. Помимо этого, возникают риски запутывания (например, вероятность дублирования функций различных агентств) и усложнения координации и без того непростой системы оказания помощи [12]. Тем не менее с течением времени система реагирования на стихийные бедствия в АСЕАН становится всё более отлаженной и развитой, что позволяет признать состоятельность сложившихся региональных механизмов.

Спецификой ГД АСЕАН является то, что наибольшую институционализацию и развитие она получила в области реагирования на стихийные бедствия; при этом механизмы ответа на биологический тип угроз (пандемия COVID-19) и социальный (антропогенные кризисы) развиты слабее [3, с. 265]. Это объясняется тем, что страны – члены АСЕАН придерживаются принципов невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета и не хотят участвовать в решении «политически чувствительных» вопросов.

К. М. Табаринцева-Романова выделяет так называемую «средиземноморскую» модель ГД. По мнению исследователя, у стран региона есть общие задачи: получение доступа к пресной воде, истощение почвы и др. [10, с. 391]. Утверждается, что основными акторами ГД региона, «наряду со специализированными евро-средиземноморскими организациями... является Средиземноморская конференция обществ Красного Креста

¹ ASEAN Humanitarian Assistance Centre Launched // ASEAN: [сайт]. URL: <https://asean.org/asean-humanitarian-assistance-centre-launched> (дата обращения: 12.05.2022).

itarian-assistance-centre-launched (дата обращения: 12.05.2022).

и Красного Полумесяца» [10, с. 392]. При этом задачу повышения эффективности реализуемых проектов должен решать Центр сотрудничества в Средиземноморье. Его деятельность связана со следующими проблемными областями: помощь мигрантам, защита окружающей среды, реагирование на кризисы, проблемы молодёжи, международное гуманитарное право.

По сравнению с системой ГД АСЕАН, нельзя сказать, что «средиземноморская» модель является такой же устоявшейся – скорее, здесь имеют место традиционные для западного мира схемы взаимодействия (например, посредством взаимодействия ООН, ЕС и МККК) для решения общих проблем, стоящих перед государствами региона.

Помимо АСЕАН, альтернативой западным структурам ГД могут стать государства группы БРИКС, страны арабо-исламского мира и Латино-Карибской Америки [5, с. 50]. Так, утверждается, что для стран арабо-исламского мира характерно представление о «гуманитарной солидарности», подразумевающей отход от идеи беспристрастности и нейтральности; в то время как Латино-Карибской Америке присущи такие черты, как «замыкание региона на себя» и усиление регионального сотрудничества в ответ на кризисы [5, с. 51].

Таким образом, есть основания говорить, что в ближайшем будущем продолжится развитие региональных институтов ГД, которые будут играть всё более самостоятельную роль на международной арене.

Гуманитарная дипломатия на национальном уровне

Основным актором данного уровня является государство, что накладывает отпечаток на практику ГД. Последняя осуществляется с обязательным учётом национальных интересов. При этом традиционный для неправительственных организаций мотив гуманности в данном

случае отходит на второй план. Правительства и квазигосударственные структуры имеют в своём распоряжении гражданские и военные ресурсы, которые можно использовать в случае возникновения чрезвычайной ситуации внутри страны или за рубежом. Как правило, порядок мобилизации данных ресурсов чётко прописан в планах национальной безопасности, документах по управлению чрезвычайными ситуациями. Обращение к официальным каналам традиционной дипломатии происходит при возникновении серьёзного бедствия с международными последствиями. В этом случае координацию операции осуществляет министерство иностранных дел [19, с. 1220]. Понимание и интерпретация концепта ГД, а также устоявшиеся практики зависят от специфики конкретного государства.

В качестве примеров рассмотрим понимание ГД в Турции и России. Так, драйвером ГД Турции является правительство. При этом квазигосударственные и неправительственные организации склонны ориентироваться на государственные цели при оказании гуманитарной помощи. Самой значимой квазигосударственной организацией страны является Турецкий Красный Полумесяц (часть движения Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца), миссией которого является «оказание помощи уязвимым и нуждающимся посредством мобилизации ресурсов и сил сообщества для защиты человеческого достоинства..., а также для улучшения способности сообщества справляться со стихийными бедствиями» [17, с. 127]. Примечателен тот факт, что при принятии решений о предоставлении международной гуманитарной помощи Турецкий Красный Полумесяц следует указаниям правительства данной страны. Среди неправительственных организаций наибольший вес имеет «Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи ИНН». Утверждается, что,

несмотря на заявления о беспристрастности, большая часть помощи направляется для разрешения кризисов, жертвами которых становится мусульманское население во всём мире [17, с. 127].

Турецкий гуманитарный дискурс имеет свою специфику: термину «гуманитарная помощь» обычно присуще своё прямое значение, и помощь оказывается только при стихийных бедствиях (т. е. не подразумевается любая помощь в благотворительных целях). Словосочетание «международная гуманитарная помощь» используется в том же смысле, что и «помощь в целях развития». Интересно, что турецкая интеллигенция нередко употребляет термины «гуманитарный подход», «гуманитарная интервенция», «гуманитарная помощь» в ироническом ключе, подразумевая ряд военных гуманитарных и миротворческих интервенций под руководством западных держав [17, с. 130]. Что касается мотивов ГД Турции, то, помимо соображений гуманности, имеют место следующие основания:

- создание репутации страны, заботящейся о страдающем и обездоленном населении других государств;

- укрепление позиций правящей партии (Партии справедливости и развития); поддержка партийной риторики оказания помощи связана, во-первых, с географическим положением и опытом переживания природных и техногенных катастроф населением страны; во-вторых, с исламскими традициями финансовых пожертвований; в-третьих, с ностальгией по статусу «великой Османской империи» [17, с. 136];

- обеспечение национальной безопасности (например, предотвращение притока беженцев и стабилизация региона);

- коммерческие мотивы (гуманитарная помощь создаёт дружелюбный имидж и открывает возможности успешного ведения бизнеса за рубежом).

Российский гуманитарный дискурс также имеет свою специфику: в ряде отечественных научных публикаций авто-

ры не разграничивают понятия «гуманитарная дипломатия» и «гуманитарное сотрудничество», при этом первое считается разновидностью политической коммуникации [3, с. 19]. Кроме того, если на Западе под гуманитарным сотрудничеством и гуманитарной дипломатией чаще всего подразумевается помощь в случае возникновения стихийных бедствий, конфликтов или иных кризисов, то отечественное понимание термина шире: помимо гуманитарной помощи и помощи в целях развития, может идти речь о дипломатии в области культуры, образования, науки, религии, спорта [7, с. 170]. Например, К. Г. Муратшина и Н. В. Мамин пишут, что «к гуманитарной сфере в двусторонних отношениях относятся контакты в образовании, науке, культуре, спорте, туризме, работе с молодёжью, информации и массовых коммуникациях» [9, с. 65]. Е. С. Громогласова считает ГД неотъемлемым элементом международного гуманитарного сотрудничества России; при этом исследователь утверждает, что практиковать ГД начали в 90-е гг. XX в. в таких сферах, как диалог гражданских обществ, межцивилизационный диалог, культурное сотрудничество, содействие развитию и оказание гуманитарной помощи [5, с. 46].

Необходимость следования концепции национальной безопасности и защиты национальных интересов, безусловно, накладывает отпечаток на специфику ГД России. Так, одним из её важнейших направлений является работа с соотечественниками, проживающими за рубежом. Особое внимание уделяется вопросам продвижения русского языка и русской культуры, программам обмена, совместным учебным программам, предоставлению стипендий и грантов для специалистов и студентов из стран бывшего Советского Союза. Приведём пример проекта, получившего поддержку «Фонда президентских грантов». Из названия проекта – «Гуманитарная дипломатия и укрепление сотрудничества

с Национальными Обществами Красного Креста и Красного Полумесяца»¹ – можно было бы предположить, что его содержанием должны быть помощь уязвимым категориям граждан и помощь в случае чрезвычайных ситуаций. Однако акцент сделан на продвижении русского языка, на преодолении препятствий для успешного участия русскоязычных лидеров общественных организаций в международном диалоге, а также на занятии Российским Красным Крестом лидирующего положения среди русскоговорящих Национальных обществ МККК².

Помимо этого Россия укрепляет свои позиции в качестве донора помощи развития и гуманитарной помощи. При этом приоритетными регионами для оказания помощи считаются постсоветские страны, некоторые развивающиеся государства Азии и Америки, а также бедные африканские страны.

Таким образом, национальная специфика и национальные интересы накладывают отпечаток на подходы к ГД. Последнюю зачастую рассматривают как компонент стратегии национальной безопасности и национальных интересов. Вместе с тем нередки ситуации, когда необходимость оказания помощи идёт вразрез с интересами государства. В связи с этим исследователи предлагают различать практику гуманитарной дипломатии (как действия, предпринимаемые для обеспечения максимальной поддержки гуманитарных операций и гуманитарных целей) и гуманитарную деятельность как компонент дипломатической стратегии (использование гуманитарной помощи для защиты и продвижения государственных интересов) [18, с. 664]. Кейс Австралии является иллюстрацией кон-

фликта практики ГД и других интересов: щедрость данной страны при предоставлении виз беженцам традиционно являлась частью её международного имиджа. Например, власти страны выдали около 12 000 виз беженцам, спасавшимся от гражданской войны в Сирии. Вместе с тем Австралия придерживалась строгой политики для лиц, незаконно прибывающих по морю в поисках убежища. Эти люди направлялись в специальные лагеря для содержания под стражей вместо рассмотрения их ходатайств об убежище [18, с. 666]. В данном случае налицо конфликт между обеспечением безопасности страны и соображениями гуманности. Подобная дилемма может возникнуть при предоставлении помощи населению одной страны в ущерб другой и восприниматься как выражение пристрастности. Кроме того, наложение гуманитарных переговоров на политические потенциально может снизить эффективность спасательных операций [8, с. 459].

Заключение

Таким образом, понимание сути ГД зависит от типа актора. В общем и целом, в настоящее время она представляет собой целый комплекс различных направлений деятельности, основное из которых – оказание помощи жертвам стихийных бедствий, конфликтов или иных чрезвычайных ситуаций и переговоры по обеспечению доступа к пострадавшим. Другими направлениями могут быть информационные и просветительские мероприятия, сотрудничество для достижения целей устойчивого развития, защита прав уязвимых категорий населения (беженцев, мигрантов, детей и др.). В зависимости от широты понимания термина практика ГД может включать в себя программы сотрудничества в области образования, науки, культуры, спорта, медицины и т. д.

Выход за рамки помощи в чрезвычайных ситуациях действительно имеет смысл: по меткому замечанию Я. Эге-

¹ Гуманитарная дипломатия и укрепление сотрудничества с Национальными Обществами Красного Креста и Красного Полумесяца // Фонд президентских грантов: [сайт]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=44c03b7f-0bed-46a9-9fe5-8f34273aff2f> (дата обращения: 19.05.2022).

² Там же.

ланна, «спасительная помощь – это лишь “временный пластырь” и выражение солидарности и сострадания к нуждающимся» [16]. Экстренная помощь чаще всего лишь смягчает последствия кризиса, но не направлена на решение его причины, поэтому гуманитарным акторам важно сотрудничать в направлении достижения целей устойчивого развития, вносить вклад в укрепление безопасной и благополучной среды.

В данной статье было продемонстрировано, насколько структурно сложным является современный гуманитарный ландшафт, на котором появляется всё большее количество негосударственных и государственных акторов. Нередко

так называемые новые доноры (отдельные государства или объединения государств) меняют традиционные представления об оказании помощи.

Было показано, что общие проблемы, стоящие перед государствами конкретного региона, влияют на складывающуюся там систему ГД. Однако, помимо необходимости решить насущные задачи, мотивы гуманитарных акторов могут быть самые разнообразные – от формирования благоприятного имиджа и обеспечения безопасности до достижения специфических политических и экономических целей.

Дата поступления в редакцию 04.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева О. Н., Козыкина Н. В., Табаринцева-Романова К. М. Гуманитарная дипломатия Европейского Союза в XXI веке // Научный диалог. 2018. № 4. С. 191–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-191-204
2. Богатырева О. Н. Устойчивое гуманитарное воздействие как стратегическая цель деятельности Международного комитета Красного Креста // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 31–40. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-31-40
3. Богатырева О. Н., Ковба Д. М., Табаринцева-Романова К. М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт: монография. М.: Наука, 2021. 282 с.
4. Гласер М. А., Новик Н. Н. Гуманитарная безопасность в ЮВА: специфика, проблемы, подходы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 2. С. 12–26.
5. Громогласова Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 124 с.
6. Ковба Д. М. «Animal diplomacy» как направление полимодальной дипломатии // Дискурс-Пи. 2020. № 3. С. 122–139. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10308
7. Ковба Д. М. Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2020. Т. 20. № 11. С. 169–174.
8. Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: между политикой и гуманизмом // VII Информационная школа молодого учёного: сб. науч. трудов / ред. П. П. Трескова. Екатеринбург: Центр. науч. биб-ка УрО РАН, 2019. С. 456–460.
9. Муратшина К. Г., Мамин Н. В. Институты гуманитарного сотрудничества России и Киргизии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 1. С. 65–80.
10. Табаринцева-Романова К. М. Средиземноморская цивилизационная модель гуманитарной дипломатии // Дипломатическая служба. 2021. № 4. С. 387–403. DOI: 10.33920/vne-01-2104-05
11. Табаринцева-Романова К. М. Гуманитарная дипломатия Международного Комитета Красного Креста: реализация ЦУР ООН в области экологии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4. С. 39–54.
12. Saballero-Anthony M. Negotiating governance on non-traditional security in Southeast Asia and beyond. New York: Columbia University Press, 2018. 336 p.
13. Clark M. Humanitarian multi-track diplomacy: Conceptualizing the Definitive, Particular, and Critical Role of Diplomatic Function in Humanitarian Action. University of Groningen, 2018. 308 p.
14. Constantinou C. Humanitarian diplomacy as moral history // Peacebuilding. 2022. DOI: 10.1080/21647259.2022.2059963

15. Cook A. D. Humanitarian diplomacy in ASEAN // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 6. Iss. 3. P. 188–201. DOI: 10.1177/20578911211019247
16. Egeland J. *Humanitarian Diplomacy* // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy. 2013. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199588862.013.0020
17. Guo X. Turkey's International Humanitarian Assistance during the AKP Era: Key Actors, Concepts and Motivations // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020. Vol. 14. Iss. 1. P. 121–140. DOI: 10.1080/25765949.2020.1728974
18. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy // *Australian Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 70 (6). P. 657–669. DOI: 10.1080/10357718.2016.1220495
19. Rügner P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition // *International Review of the Red Cross*. 2011. Iss. 93. P. 1211–1237. DOI: 10.1017/s1816383112000574
20. Warnecke A. Can Intergovernmental Organizations Be Peacebuilders in Intra-State War? // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2020. Vol. 14. P. 634–653. DOI: 10.1080/17502977.2020.1794132

REFERENCES

1. Bogatyreva O. N., Kozykina N. V., Tabarintseva-Romanova K. M. [Humanitarian Diplomacy of European Union in the 21st Century]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 4, pp. 191–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-191-204.
2. Bogatyreva O. N. [Sustainable Humanitarian Impact as a Strategic Orientation of the International Committee of the Red Cross]. In: *Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu»* [Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal], 2020, no. 6, pp. 31–40. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-31-40
3. Bogatyreva O. N., Kovba D. M., Tabarintseva-Romanova K. M. *Mnogostoronnijaja gumanitarnaja diplomatija: universalnyj i regionalnyj opyt* [Multilateral Humanitarian Diplomacy: Universal and Regional Experience]. Moscow, Nauka Publ., 2021. 282 p.
4. Glaser M. A., Novik N. N. [Humanitarian Security in Southeast Asia: Specificity, Problems, Approaches]. In: *Jugo-Vostochnaja Azija: aktualnye problemy razvitiija* [Southeast Asia: Current Development Issues], 2020, no. 2, pp. 12–26.
5. Gromoglasova E. S. *Gumanitarnaja diplomatija v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: opyt sistemnogo issledovanija* [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of systematic research]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2018. 124 p.
6. Kovba D. M. [“Animal diplomacy” as a direction of multimodal diplomacy]. In: *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»* [Scientific Journal «Discourse-P»], 2020, no. 3, pp. 122–139. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10308
7. Kovba D. M. [The Humanitarian Dimension of Diplomacy: the Problem of Categorization and Analysis]. In: *Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo slavjanskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2020, vol. 20, no. 11, pp. 169–174.
8. Kovba D. M. [Humanitarian diplomacy: between politics and humanism]. In: Treskova P. P., ed. *VII Informacionnaja shkola mladogo uchenogo* [7th Information School of a Young Scientist]. Yekaterinburg, Tsentr. nauch. bib-ka UrO RAN Publ., 2019, pp. 456–460.
9. Muratshina K. G., Mamin N. V. [Institutional structure of Russian-Kyrgyz humanitarian cooperation]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships], 2022, vol. 6, no. 1, pp. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-65-80>
10. Tabarintseva-Romanova K. M. [Mediterranean civilizational model of humanitarian diplomacy]. In: *Diplomaticheskaja sluzhba* [Diplomatic Service], 2021, no. 4, pp. 387–403. DOI: 10.33920/vne-01-2104-05
11. Tabarintseva-Romanova K. M. [Humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross: implementation of the UN SDGs in the field of ecology]. In: *Vestnik Diplomaticheskaj akademii MID Rossii. Rossija i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World], 2020, no. 4, pp. 39–54.
12. Caballero-Anthony M. *Negotiating governance on non-traditional security in Southeast Asia and beyond*. New York, Columbia University Press, 2018. 336 p.

13. Clark M. *Humanitarian multi-track diplomacy: Conceptualizing the Definitive, Particular, and Critical Role of Diplomatic Function in Humanitarian Action*. University of Groningen, 2018. 308 p.
14. Constantinou C. Humanitarian diplomacy as moral history. In: *Peacebuilding*, 2022. DOI: 10.1080/21647259.2022.2059963
15. Cook A. D. Humanitarian diplomacy in ASEAN. In: *Asian Journal of Comparative Politics*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 188–201. DOI: 10.1177/20578911211019247
16. Egeland J. Humanitarian Diplomacy. In: *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*, 2013. DOI: 10.1093/oxford/hb/9780199588862.013.0020
17. Guo X. Turkey's International Humanitarian Assistance during the AKP Era: Key Actors, Concepts and Motivations. In: *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 121–140. DOI: 10.1080/25765949.2020.1728974
18. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy. In: *Australian Journal of International Affairs*, 2016, vol. 70 (6), pp. 657–669. DOI: 10.1080/10357718.2016.1220495
19. Rignier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition. In: *International Review of the Red Cross*, 2011, no. 93, pp. 1211–1237. DOI: 10.1017/s1816383112000574
20. Warnecke A. Can Intergovernmental Organizations Be Peacebuilders in Intra-State War? In: *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2020, vol. 14, pp. 634–653. DOI: 10.1080/17502977.2020.1794132

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковба Дарья Михайловна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук;
e-mail: dmkovaljova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria M. Kovba – Cand. Sci. (Political sciences), Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: dmkovaljova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 135–147.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147

FOR CITATION

Kovba D. M. Modern humanitarian diplomacy: main levels, actors and their motivations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 135–147.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147